

RUSSIAN

Please prepare a good literary translation of the entire passage in the time allowed, use of a dictionary is permitted. Choose one passage from each group, a total of two passages.

Group I (A)

Time: 2 hours

Iz neizdannoi perepiski imp. Aleksandra III; Nikoloiia II s" kn, V.P. Meshcherskim"

Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ — Мешерскому.

С.-Петербургъ, 28-го ноябр[я] 1863 г.

Любезный Князь,

Извините великодушно за опоздалый отвѣтъ на Ваше любопытное и длинное письмо. Всѣ мы читали его съ большимъ интересомъ и мысленно странствовали съ Вами по Владимірскимъ деревнямъ и селамъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что теперешній родъ Вашей службы и Вашихъ занятій*) въ высшей степени полезенъ для челоука, желающаго дѣйствительно ознакомиться ближе съ Россією. Официальность Ваша даетъ Вамъ нѣкоторую, не безполезную долю вѣса, но вмѣстѣ съ тѣмъ эта официальность не изъ такихъ, которыя стѣсняють и себя и другихъ — и такъ условія выгодны!

Любопытно состояніе волостей, которыя Вы описываете, особенно имѣнія Гр[афа] Панина. Живо представилъ я себѣ Васъ, ѣдущимъ по ужасной дорогѣ, закутаннымъ во всевозможныя теплыя одѣянія и прокливающимъ (конечно только въ эти трудныя минуты) должность чиновника по особымъ порученіямъ, которому Богъ знаетъ зачѣмъ захотѣлось покинуть пріятную синекуру съ житьемъ въ Петербургѣ, съ которою такъ легко мирится совѣсть столькихъ чиновниковъ (и столькихъ министровъ), и таскаться по разнымъ угламъ Россіи, которую такъ легко знать, не выѣзжая изъ Петербурга, и еще легче управлять, не выходя изъ кабинета!

Живо представилъ я себѣ несчастнаго Вл[адимірскаго] воеводу, рвущаго себѣ волосы на головѣ съ отчаянія, что некуда упрятать незваныхъ и непрошенныхъ гостей.

Наконецъ живо представилъ я себѣ Ваши по истиннѣ возбуждающія состраданія, бѣдствія въ пресловутой Влад[имірской] гостинницѣ.

M. Gofman, Poety Simrolizma

Романтизмъ сороковыхъ годовъ былъ переходнымъ періодомъ къ эпохѣ шестидесятихъ. Вслѣдствіе того, что всѣ заботы были направлены на матеріальное обезпеченіе народа, шестидесятыя годы носили порою грубо-матеріальный характеръ, и на искусство была положена печать отверженія: произведенія Пушкина были объявлены мелкими, ненужными бездѣлушками. И для русской литературы, для русскаго искусства наступала страшная ночь, которая становилась все темнѣе и мрачнѣе къ 80-ымъ годамъ.

Надежды шестидесятниковъ не исполнились: за эпохой освободительныхъ реформъ послѣдовала эпоха реакціи, общанія были замѣнены репрессіями, которыя были перенесены и на искусство, обазавшееся въ двойныхъ тискахъ—и со стороны правительства, и со стороны общественнаго суда. Литература была заподозрѣна и осуждена.

Тяжелое время переживала въ 80-ыхъ годахъ и русская общественность и русская литература; страшно становилось за будущее, когда въ настоящемъ только одна безпросвѣтная мгла—ни зги не видно!

И недаромъ страшное отчаяніе овладѣло русскимъ идеалистомъ сороковыхъ годовъ Тургеневымъ, мечтавшимъ въ 40-ые и надѣявшимся въ 60-ые годы, и въ своихъ предсмертныхъ пѣсняхъ—въ «стихотвореніяхъ въ прозѣ»,—Тургеневъ благословилъ и привѣтствовалъ смерть, освобожденіе отъ жизни.

Group II (A)

Gosudarstuennaia Duma v Rossii

Правительство радуется!.. Оно разогнало Государственную думу, закрыло сотни газет, арестовало тысячи людей, и народ молчит... Только в Свеаборге и Кронштадте поднялись солдаты и матросы, да часть петербургских и московских рабочих забастовала. Солдатское восстание было подавлено, забастовка не удалась...

Правительство радуется... Но радость его не будет долгой. Солдатское и матросское восстание было подавлено, но недовольство среди солдат растет с каждым днем, и недалек час, когда это восстание вспыхнет с новой, еще большей силой. Крестьяне молчат, но близко время, когда они поднимутся всей своей стомиллионной массой для завоевания земли и воли. Забастовка не удалась, но она снова разразится с огромной, еще невиданной силой. Всенародное восстание неминуемо, и наша неудача — вовсе не конец той великой борьбы, которую ведет народ.

Забастовка наша не достигла цели, но она не останется бесполезной. Она была сигналом, который хотели дать петербургские и московские рабочие всему пролетариату и крестьянству.

Мобилизуйтесь! Готовьтесь к борьбе! Наш враг — царское правительство — объявило народу войну: оно хочет отнять у нас все, что мы завоевали трудной борьбой, и еще больше задавить и поработить нас! — вот что говорили петербургские и московские рабочие своей забастовкой.

В связи с легендой об императоре Петре III «избавителе» возникает проблема, которую мы до сих пор затрагивали лишь частично, — взаимоотношение легенды в ее исходной форме и позднейшей фольклорной традиции.

Исследователи русского фольклора, связанного с крестьянской войной 1773—1775 гг., давно отметили две его характерные особенности: во-первых, неожиданную скудность по сравнению, например, с фольклором разинской эпохи и, во-вторых, отличие преданий, записанных от уральских казаков, от преданий, записанных в других районах России. Первая из этих двух особенностей обычно объясняется жесткими цензурными условиями, сохранявшимися на протяжении всего XIX в., и относительной сходностью песен и преданий о Е. И. Пугачеве с фольклором других, более ранних народных движений, особенно крестьянской войны 1669—1671 гг. При этом предполагается, что песни и предания о С. Т. Разине могли делать ненужными песни и предания о Е. И. Пугачеве.

Оба довода кажутся нам искусственными.

Разумеется, длительное запрещение петь, рассказывать и печатать что-либо о пугачевском движении сыграло определенную роль. Однако если цензурные условия считать основной причиной, то нужно объяснить, почему же песни и предания о разинском, булавинском, некрасовском и других движениях оказались более жизнестойкими.